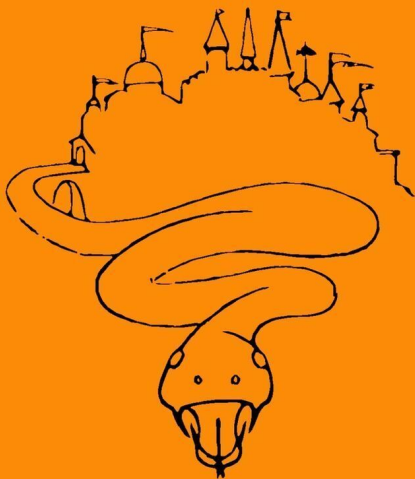

Николай Слесарь

Фактическая революция

Николай Слесарь

Фактическая революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28068098

ISBN 9785449008138

Аннотация

Что если привычная реальность исчезнет, не оставив взамен ничего рационального и последовательного? Фактическая революция меняет все и навсегда, никогда не начинается и никогда не заканчивается.

Содержание

I	5
II	9
III	17
IV	21
V	39
VI	44
VII	60
VIII	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Фактическая революция

Николай Слесарь

Иллюстратор Николай Слесарь

© Николай Слесарь, 2024

© Николай Слесарь, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4490-0813-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Прошное лето тянулось будто бы бесконечно в своем застывшем знойном однообразии. Тянулось под оглушительный треск кузнечиков по пыльным обочинам где-нибудь в средней полосе, в раскаленном до бесцветного состояния лабиринте очередного города. Под пожухлыми от жары ветвями ивы в городском парке на берегу высохшего пруда. Даже под землей эскалатор метрополитена уносил вниз во все тот же невыносимый зной, а поезда разгоняли по туннелям седой пепел обгоревшей кабельной изоляции. Тянулось оно повсюду, периодически замедляясь и даже останавливаясь вовсе. Будто в нерешительности перед какой-то роковой мрачной неизбежностью, понятной лишь ему одному.

Или сама природа, раскачав свой маятник из одного состояния в другое, забыла теперь про него и ушла прочь, а он застыл в одном и том же положении, так что и ни то, и ни се, но уже понятно, что надолго.

И хотя казалось, что хуже и быть не может, предчувствие чего-то такого, как будто еще более неотвратимого, тут же наполнило, иссушенные жарой и долгим терпением, многочисленные умы городского и сельского населения.

А потом уже глянь, все только об этом и говорят.

Однако, в силу того, что довольно продолжительное время ничего конкретного не происходило, все эти умы доволь-

но быстро успокоились и снова привычно застыли в ожидании чуда, вопросительно глядя то на запад, то на восток, то в прошлое, то в будущее. Уже даже не замечая ни себя, ни то самое место, в котором они теперь пребывали, не осознавая, насколько бесполезным и даже опасным может оказаться подобное ожидание.

Хотя кому это пришло бы тогда в голову. Все же жара стояла и правда несусветная. Сущее пекло. Потому и не случилось решительно ничего нового. Происходили вполне естественные для жаркого лета катаклизмы. Были и пожары, и засуха, и участвовавшие инфаркты. Сначала еще тонули много, алкогольные отравления случались, а потом уже одни пожары, да приступы. Тут уж ожидай не ожидай, а против статистики не попрешь. Полная тишь и видимость священной пустоты на тысячу верст вокруг.

И кабы знали, что так за все лето ничего и не произойдет, то, может, и не ждали бы ничего. Если бы знали, что ждать нечего. А то и сами чего сделали бы.

Но никто ничего такого не знал и даже не догадывался. Умы были уверены в себе и своих ожиданиях. А любое напряжение, в конце концов, должно же как-либо разрешиться.

И только уже осенью, когда лето незаметно все же закончилось, и жара спала, а так ничего и не случилось, решительно все вокруг почувствовали разочарование и горечь обиды. А как же иначе? Столько времени пролетело в ожидании

и все впустую.

Но даже тот момент не стал переломным. Разочарование, как часто бывает в таких случаях, совершенно подавило инициативу. Да после такого жаркого лета и сил собственно никаких не осталось. А за летом последовали столь же трудные времена года, как осень и зима. А уж зима как-то особенно затянулась.

Дни короткие, ночи длинные, так что один день от другого не отличить, а тот другой от ночи. А зима все тянется и тянется. Зима без конца и без края, а весны все нет и нет.

И тут уж все так эту весну стали ждать, будто в ней одной заключалась теперь вся их надежда и спасение. И как только стали все на нее, на весну, уповать, ожидание вовсе нестерпимым сделалось, а зима в очередной раз снегу навалила по пояс, да подморозила как следует. Так что весны даже в календаре словно временно не стало. Одни пустые клетки без чисел.

Весна пришла, когда совсем ее перестали ждать. Пришла, будто натурально свалилась с неба вместе с таким сразу теплым и пронзительным весенним солнцем.

Сразу все потекло, потаяло, птицы запели. Сразу всем вокруг сделалось хорошо. Но проклятые ожидания этого чего-то непонятно чего вновь оказались обманутыми. Все вроде как и поменялось, а так чтобы принципиально, так снова ничего.

Тут-то и стало ясно, что это самое что-то на самом деле

давно уже случилось и не иначе, как тем самым прошлым летом. Так видимо разморило всех, что никто ничего и не заметил в этом дрожащем от адской жары воздухе, в дыму от пожарищ и смоге выхлопных газов.

Летом в городе остаются немногие. Разве только по исключительной надобности, да еще те, кто уже ничего не хотел или уже совсем ничего не мог. А те чего и не было видели, а что рядом стояло не замечали. Так видно и проглядели.

Оставалось сделать вид, что все давно уже в курсе. А потом так и жить с этим чем-то, внезапно вновь обретенным, словно все проистекает как должно.

Но раньше еще не бывало ничего по-настоящему фатального, а вот теперь, похоже действительно случилось нечто из ряда вон выходящее. Именно то самое, особенное и грандиозное. И началось оно, получается, уже почти год назад. Тем самым неопишимо жарким прошлым летом.

Концентрация энергии в воздухе зашкаливала. Все ощущали переломный момент и многозначительно молчали. И значит где-то еще, совсем в другом месте, энергии не осталось вовсе. Маятник застыл, так и оставался неподвижным, нарушая энергетическое равновесие и распределение сил неизвестно на каком расстоянии. Вполне возможно, где-то на краю вселенной даже образовались новые черные дыры.

Впрочем, и там и здесь наверняка существуют какие-то иные вариации нам совершенно неизвестного чего-то еще.

Да и мало ли где еще могло находиться подобное место?

II

– Мало ли где еще могло находиться подобное место?

Вопрос повис у меня в голове словно из неоткуда.

Сколько времени я уже сидел на подоконнике у окна, качая ногой и вглядываясь в туманную даль над крышами, я сказать не мог. Видно последствия бессонной ночи. Сны наяву. Так весь день и пойдет теперь. Хотя может он уже и прошел? Суббота есть суббота.

И снова повисло молчание. Молчание где-то глубоко внутри меня. Молчание меня со мной. И настолько значительно это обычно выглядит, ощущается может, что молчание это потом никак не прервать. Иначе будто помешаешь кому-то там еще.

Ну что ж, помолчим еще.

По мутному весеннему небу неопределенного цвета сказать что-то определенное о времени суток было невозможно. То ли утро, то ли день, то ли вечер. Разве что еще точно не ночь.

Черт знает что.

В голову по инерции продолжала решительно лезть всякая размытая неопределенность и чепуха. Какие-то ландшафты незнакомые и вроде как знакомые одновременно, стихия и бесконечное ее продолжение по всем измерениям. Известным и не очень. И словно бы с разных сторон словно

нашептывали два разных человека. Один одно, другой другое, и будто с разных концов, не то что комнаты или там дома, континента! Или даже планеты.

Откуда-то из-за угла дома донеслось лязгающее повизгивание поворачивающего в парк трамвая. Сразу в голове как будто прояснилось. Вон и чайка мечется под сенью туч. Жильцы в доме напротив сидят перед теликом. Они все время там так сидят. В одном и том же месте. В одной и той же позе. Изо дня в день. Собака у них еще живет. Только она там и перемещается из комнаты в комнату.словно дикий зверь в зоопарке в поисках выхода, которого нет.

Где-то прямо под окном промчался невидимый грузовик. Потом в стекла ощутимо уперся невидимый порыв ветра, будто кто-то облокотился снаружи, и еще через какое-то время тихо пошел дождь, расплываясь по стеклу редкими штрихами от набегающего то и дело бесшумного ветра.

Может из-за этой своей бесшумности, все происходящее за стеклом казалось теперь совершенно несущественным и ненастоящим, что ли. Словно очередной налетевший откуда-то полусон.

У меня сегодня еще было последнее занятие по английскому, но представить, что я через час соберусь и куда-то поеду под этим морозящим дождем было немыслимо. Один процесс одевания вызывал дрожь и состояние паники. Это ж сколько на себя надо натянуть неудобной, но теплой и герметичной одежды! А потом эта первая оплеуха, когда выйдя из унылой и темной парадной, ты вдруг оказываешься на мокром тротуаре открытый всем ветрам и дождю. А потом общественный транспорт со всеми своими своеобразными

ми нюансами. И много унылых и мрачных людей, не глядящих в глаза и засыпающих на ходу. И еще это многоярусное офисное здание залитое ярким искусственным светом с разнообразными интернет-магазинами, курсами, бизнес проектами и торговыми складами. Обстановочка там та еще. Правда по выходным там, в общем, почти никого, но атмосфера не истребима. И кроме того, в прошлый раз, когда я преодолев все препятствия все же добрался туда, замерзший и отчаявшийся совершенно, меня встретила закрытая дверь и записка с извинениями..

Ненавижу такое свое состояние паузы. И ведь кажется, что теперь все вокруг словно бы застыло в иллюзии движения.

Я все еще вертел в руках шариковую ручку. Решил в кои-то веки набросать часть рукописи, что называется, в живую, почти что пером. Такая вот шальная мысль пришла с утра. С недосыпу ли, или все поиски вдохновения? Теперь все пальцы были в чернилах. Ручка что ли подтекает?

И какое может быть вдохновение в такой день? В такой день ничего не может быть. Даже дождь и тот еле капает. Словно где-то там наверху случилась закупорка.

Видно и у них тоже такое бывает.

На самом деле, объяснение ручки в руках было куда более прозаичным. Мой пожилой и заслуженный ноутбук приказал долго жить. Мерзкий кот, воспользовавшись подвернувшейся ситуацией, сбросил его с холодильника на твердый и холодный кафельный пол на кухне. Ноутбук немед-

ленно разлетелся на части. Отдельно клавиатура, отдельно экран. В общем, был ноутбук и сплыл. Хорошо, жесткий диск живой остался. Да только другого компьютера у меня дома не было. Сволочной кот теперь отбывал наказание, пребывая на жесткой диете и лишенный ежедневных прогулок.

Вот и пришлось браться за перо и чернильницу. Романтически, конечно, но малоэффективно. Ручкой я теперь писал как курица лапой. Навыки были потеряны, и дело не шло.

За стенкой у соседей радостно проснулся телевизор тоже. Видно все же вечер в разгаре. Новости. Вечерний выпуск, так их и так. Ретрансляция истинных интерпретаций.

Стало ясно, что писать все одно сегодня уже не получится. Минус день. Придется делать что-то еще. Только что именно? Читать тоже нет настроения. Во-первых, совершенно непонятно что. Да и пока пишешь свое, окунаться в чье-то чужое обычно совершенно не хочется. Можно конечно съездить к приятелю за другим ноутом, он мне обещал подкинуть свой старый. Да что-то было уж совсем неохота на улицу под дождь выползать. Раньше надо было думать.

Главное в магазин не надо идти. Хорошо, что я вчера забежал после работы. И вообще никуда по большому счету теперь не надо. Даже на английский. Ох уж мне этот английский.

Тоже что ли врубить телик? Из солидарности?

Из прихожей донесся странный шум, будто кто-то принялся вдруг подметать пол, переставляя раскиданную на по-

лу обувь. Видно кот рвался на улицу. Запереть его на балконе на часок, чтобы знал?

Но от окна магическим образом было уже не отлипнуть. Что-то там притягивало даже не взгляд, а словно бы целиком весь мозг, душу. Как в темном кинозале бывает упрешься взглядом в светящийся прямоугольник, и будто кроме него больше нет ничего.

Дождь незаметно припустил чуть сильнее. И какой-то он был ни фига не весенний. Скорее безучастный ко всему осенний.

И как эти птицы еще летают в такую погоду? Что за удовольствие? Ведь они даже не еду ищут и не общения, а словно пытаются вырваться отсюда..

– Ну его нафиг! Ни шагу сегодня из дома.

Даже просто выйти на балкон покурить и то было страшновато. Стоит только приоткрыть окно или дверь, как в эту щель сразу ворвется нечто холодное и безрассудное, переворачивая все с ног на голову.

Моя зона комфорта не предполагала теперь что либо расположенное вне моей жилплощади.

Я методично отслеживал стекающие по диагонали капли на стекле и явственно отключался.

И вот уже приглушились звуки вокруг. Исчез сначала звук телевизора за стенкой, потом шум машин за окном, жильцы дома напротив словно растворились в дожде, сам дождь растворился, а за ним и весь дневной свет...

Зато появился ветер. Сразу очень много ветра.
И снова молчание..

III

Оглушительный ветер проносит по пепельно-серому небу несчетное число рваных свинцовых туч. Они несутся клочьями из-за горизонта и уносятся за горизонт. Бесконечный поток шириною во все небо. А под ним лишь берег и неистовый океан.

Все побережье заполняют сплошь голые скалы и камни. Беспорядочные и неизменные день ото дня. Бог знает сколько времени они пролежали вот так под этим небом, поливаемые ледяными дождями и засыпаемые снегом, а потом вновь и вновь иссушаемые ветром.

И в этот берег бесконечно день ото дня, год от года бьется столь же свирепый и грозный океан. Бездонный и необъятный. Он словно бы раз от раза безуспешно пытается вырваться из своих, предначертанных кем-то другим, берегов. Так, словно его бескрайнему и бездонному существу становилось вдруг нестерпимо тесно в своем гигантском ложе, и он хотел бы заполнить собой весь остальной мир от края и до края.

И эти камни на берегу, и океан такие же серые, как и небо над ними. И кажется, что здесь вообще не бывает никаких цветов. Только бесконечная серая палитра, от почти черного, до почти белого и ничего другого.

Три стихии. И каждая, сколь бесконечно она существует,

столь же бесконечно бьется с остальными двумя. И иногда, в особо неистовые сражения кажется, что все это в сущности одно и то же и границ нет. Когда с неба льются потоки ледяной воды, уносимые ветром вперемешку с ошметками волн чуть ли не параллельно земле. А черно-белый океан раз от раза вздымается все выше, то съеживаясь, то с грохотом взлетая под самое небо.

И все это вместе вонзается, бьется в один и тот же безжизненный берег, словно пытаюсь раз и навсегда свести его на нет, превратив в самое себя. Но и берег не сдается, ошестинившись неприступными скалами способными выдержать все. И вода своими бесконечными потоками раз от раза лишь беспомощно стекает по гладким камням обратно в океан, а ветер лишь беспомощно ревет в его каменных лабиринтах.

Но после каждой такой битвы раз за разом приходит затишье. Спустя, может быть, сутки, неделю, но ветер постепенно стихает, превращаясь в полный штиль. Опустошенный океан замирает, оставляя на себе лишь легкую рябь. А по берегу стекают последние ручейки, неторопливо просыхают скалистые утесы, будто и не было ничего.

И в очередной раз восстанавливается непродолжительное перемирие. Будто антракт в театре или пауза в музыкальном произведении. Но лишь до очередного подходящего момента непременно сойтись в этом сражении вновь.

И здесь не существует иного. В этом вся жизнь. Почти никакой флоры, и минимум фауны. Мало кто способен выдер-

жать эти дикие пляски бешеных стихий. Никакое живое существо не устояло бы против них, оставаясь лишь случайной мишенью, ничем и никем не защищенной.

Лишь иногда сюда забредет дикий зверь, столь же дикий и поглощенный в себя, сколь само это место. Возможно в тихие дни из любопытства заплывет стая рыб, ибо здесь почти нет никакого для нее пропитания. Еще разве чайки, да альбатросы спикируют с диким криком, да примостятся где-нибудь на утесе.

И в этом полном отсутствии жизни, даже в самую страшную бурю, словно в разреженном воздухе, напрочь отсутствует какое бы то ни было напряжение. И даже что это такое, здесь никому неизвестно, словно речь идет о фантоме, чьей-то фантазии, выдумке. И даже когда сходятся меж собой столь непримиримые силы природы, с сокрушительной мощью бросаясь друг на друга, разрывая на части, это скорее способствует разрядке обстановки, чем наоборот. Может поэтому энергетический вакуум прозябает здесь вечно?

Обычному человеку уж точно не дано увидеть подобное своими глазами. Слишком далеко, слишком пусто и слишком сурово. Да и само появление здесь человека, не являющегося частью этой исконной экосистемы, сведет на нет всю ее пустоту и отстраненность. Она моментально заполнится его представлениями и его напряжением. А жить совсем без напряжения человек, пожалуй что не умеет.

Недаром все, что было создано человеком, или всего лишь

задумано им, окружает исключительно его самого, вне его так же быстро угасая, растворяясь и распадаясь на атомы, словно живой организм лишенный пищи, тепла и света.

Ведь здесь, меж ледяного океана и вечно убегающего неба, не существует никаких привнесенных мыслей и никаких привнесенных сил. Ничего лишнего и ничего искусственного. Разве только тени, да призраки.

IV

И вот последний месяц весны. Казалось бы самое обнадеживающее время года. Природа оживает, словно все вокруг начинается сначала, с чистого листа. А я к этому времени настолько вымотался и на работе и от бесконечной этой зимы, что даже весна незаметно прошла мимо меня. И постепенно мне начинает казаться, что теперь все так и будет проходить мимо.

Человек ко всему привыкает, и к хорошему, и, что по-моему хуже, к плохому. Ему начинает казаться, что так и должно быть, что это нормально. Нормально, что вокруг картонные декорации благополучия, что за углом грязь вокруг, что трубы текут по определению, что воняет, душно и люди кругом словно дикие. И что любая работа должна занимать всю твою жизнь целиком. Хотя с чего бы?

И вот я устал уставать. Я бесконечно устал даже не от самой работы, а от этой беспросветной необходимости. Необходимости ходить в одно и то же место каждый божий день, видеть одно и то же, одних и тех же людей, уже ничего не воспринимающим взглядом. Устал от отсутствия потом сил на что-либо другое помимо работы, и от того еще, что все уже замелькало перед глазами и казалось, что я просто двигаюсь по чьей-то чужой колее непонятно куда и времени передохнуть и оглядеться, становится все меньше и меньше.

В общем, терпеть все это я более не мог и не хотел. Мне необходимо было выдержать паузу и оглядеться, во что бы то ни стало. Тем более, что наконец на улице образовалось вполне себе комфортное тепло, почти уже летнее, зовущее и провоцирующее на подвиги, а работа требовала меня, чем дальше, тем больше. И тут уже мой организм взбунтовался и вместо меня, отключив совершенно бесполезный в таких делах мозг, в один прекрасный день послал все к чертовой матери и написал заявление по собственному желанию.

Так себе жест для относительно молодого, не семейного и бездетного. Ничего особо героического. Но все же.

Я только смотрел, как моя собственная рука, дописав кое-как сформулированную причину капитуляции, ставит дату, размашистую подпись и даже внутренне практически не дрогнул.

Потом конечно что-то слегка екнуло.

– На что теперь жить, друзья, карьера, перспективы и отношения?

Сразу всплыл в памяти голодный кот у холодильника, орущий благим матом и заглядывающий мне в глаза с укором.

Но еkanie очень быстро само собой улеглось. Это даже как-то смешно прозвучало. Особенно насчет перспектив и карьеры. Исполнители и руководители существовали здесь абсолютно перпендикулярно по отношению друг к другу, а с недавних пор почти никак не пересекались. Ну там от-дать запоздалые мудрые распоряжения, поглумиться с высо-

ты, объявить снисходительный какой-нибудь выговор, не более того. За всю историю моей здесь работы ни один рядовой сотрудник дальше своей первоначальной должности никуда не двинулся, зато начальства мы повидали много и всякого. И дело не в образовании и не в способностях. Просто так было заведено. Чем дальше был начальник от предполагаемой деятельности, чем меньше он знал, что здесь вообще происходит, тем лучше. А если и не лучше, то интереснее. Одни рождены руководить, вторые работать руками.

Я естественно числился во вторых, но по факту не принадлежал ни к тем, ни к другим. В голове моей изначально витал ветер. Сам я гордо именовал себя свободным художником. А на самом же деле, как и большинство последних романтиков, был я обыкновенным разгильдяем с некоторой абстрактной идеей заключенной внутри себя. Кроме того, как и свойственно тем самым последним романтикам, я долго и мучительно пытался написать роман. Корпоративная деятельность была мне близка крайне относительно, и я особо ей не дорожил.

Правда здесь оставалось несколько достаточно близких мне людей и еще разве присутствовала особенная обстановка дезориентирующего абсурда, которая смазывала грани и растягивала горизонты.

В общем, здесь в этом смысле было лучше, чем где бы то ни было еще, но здорово удручало то самое однообразие, отсутствие даже мнимого движения и, собственно, достаточ-

ной оплаты труда. Близкие люди никуда от меня не денутся, просто реже будем видеться. Так что уже ничего не могло меня отвлечь от моего рокового решения.

И будто в качестве компенсации за разнообразные негативные моменты, по поводу этого моего выбора, меня даже охватила некоторая сиюминутная эйфория. Все же круто иногда просто выйти на первом попавшемся полустанке, глядя вслед удаляющемуся последнему вагону. Особенно если не уверен в пункте назначения и здорово мутит от мелькающих за окном телеграфных столбов.

И уже с облегчением я вручил свое заявление начальству, сгреб в кучу личные вещи, распрощался с коллегами и прямо посреди рабочего дня с легким сердцем с работы ушел, всячески смакуя этот самый момент.

О будущем я старался не думать вовсе, ибо оно было туманным и несущественным. Оно почти всегда было для меня именно таким. Но теперь изменения вступили в силу инесли в себе, пусть даже чисто номинально, исключительно позитивный характер.

Даже институтский двор, через который я теперь проходил, такой темный и затхлый, заваленный не пойми уже чем, то ли с приходом весны, то ли благодаря моему свежему освобожденному взгляду, расцвел и расширился во все стороны, открывая себя ветру и свету.

Перед главным корпусом меня чуть не смыла толпа студентов, оживленно жестикулирующих и передвигающихся

в неизвестном для них самих направлении. Это было дело привычное, и я на какое-то время просто замер на месте.

Выйдя через темную и гулкую проходную на улицу, я отметил про себя, что все теперь выглядит и движется будто совершенно иначе. Как-то жизнерадостнее и значительнее, что ли. Может от того, что обретенная свобода уже понемногу прочищала — опьяняла мой разум и чувства от застарелого налета повседневности, или же просто от того, что в это самое время я обычно сидел в своем отделе с головой погруженный в работу или во что-нибудь еще, не видя белого света совершенно. Разве выходил во двор покурить, но что тут сравнивать. Одно дело двор, всегда один и тот же, и совсем другое дело весь этот город снаружи, будто заново распахнувшийся передо мной всеми своими весенними картинками и ракурсами, такими теперь яркими и полноцветными под непривычно пронзительным весенним солнцем. Да и само небо было теперь будто еще более синее и бездонное, чем еще вчера. Да что там вчера, еще буквально пару часов назад.

Одним словом, теперь начиналась совсем другая жизнь, и я лишь мечтательно вдохнул полной грудью этот ароматный весенний воздух с примесью угарного газа и огляделся.

Мимо сновали редкие пешеходы, шурша шинами проносились автомобили. Туристы с фотоаппаратами, высыпав из шикарного автобуса, облепили набережную с традиционным видом. Велосипедисты проносились по обочине, лавируя между припаркованными машинами и машинами дви-

жущимися. Река, поблескивающая на солнце, меланхолично все текла куда-то. По реке против течения натужно полз грязноватый буксир с грузовой платформой, оставляя за собой сизые клубы дыма.

На сегодня была еще пара относительно важных дел, которые обязательно следовало сделать, а в остальном я был абсолютно предоставлен сам себе.

Зря только я так сразу набрал с собой своих вещей. Теперь с ними придется таскаться целый день через весь город. Мог бы спокойно оставить пока на работе. Ведь еще сто раз забегу по делу и без. И с друзьями как следует попрощаться, да и вообще. Видимо так хотелось побыстрее оборвать все эти связи и замести следы, что рациональное мышление не сработало.

Рационального мышления пока тоже совершенно не хотелось. Хотелось в противовес всему мыслить теперь абы как или не мыслить вообще. Мне явно следовало немедленно и всесторонне отойти в первую очередь от этой самой мыслительной деятельности.

Так что я плюнул на вещи, тем более что все они кое-как влезли в рюкзак и особо меня не обременяли, и ринулся в путь.

Решив про себя идти пешком и не лезть в, переполненный даже в это время дня, транспорт, я двигался исключительно никуда не торопясь легко и беззаботно, вспоминая лица коллег остающихся на работе, и как они не весело смотрели там

на мои сборы.

Что ж, жизнь каждого из нас находится исключительно в наших руках, что бы там не говорили злые языки. Их там тоже особо никто не держит. Теперь вообще больше никто никого и нигде не держит. Человек перестал что-либо значить сам по себе в этой заново сбалансированной системе, хотим мы этого или нет. Не смотря даже на персональные заслуги и профессиональные качества. Редкие работающие до сих пор процессы словно шли теперь сами по себе, и необходимость что-либо решать и дополнительно производить отпала сама собой.

Но дела явным образом обстояли как-то не так. Не так, как хотелось бы мне, например. Да и не только мне. Иначе откуда бы взяться этому напряжению, словно повисшему в воздухе?

Несмотря на свой благоприобретенный пофигизм, даже я его чувствовал почти повсеместно, а некоторые под его воздействием теряли аппетит и здоровый сон в придачу. Так что это самое «что-то не так», появившееся еще будто бы прошлым летом, неминуемо должно было себя как-то проявить уже в самое ближайшее время. Тут уж без вариантов. Другое дело как именно проявить?

Но и обо всем этом я старался больше не думать. Об этом особенно. Отныне у меня были свои планы на свою собственную жизнь, и остальное более не должно было меня никак волновать. Принимать какое-либо участие во всех этих

странных взрослых играх я более не собирался. Хотя бы до тех пор, пока обстановка не разрядится.

Все-таки странно, что мне было настолько совершенно не жаль покидать эту работу. Ведь это было изрядной частью моей персональной жизни. А раньше к тому же это место считалось довольно престижным и даже загадочным. Институт, занимающийся изучением непонятно каких проблем. Видимо настолько абстрактных или неявных, что уже изучал лишь само это отношение к материалу и вообще собственное существование как часть проблематики.

Сложность в самоопределении этого учреждения начиналась уже с его структуры. По-моему никто особо в это не вникал. Ясно было одно, что всем известный в городе ректор и есть тот самый главный наш начальник, которого мы, слава богу, видели крайне редко. Ибо и без него начальства на наши бедные головы хватало с избытком.

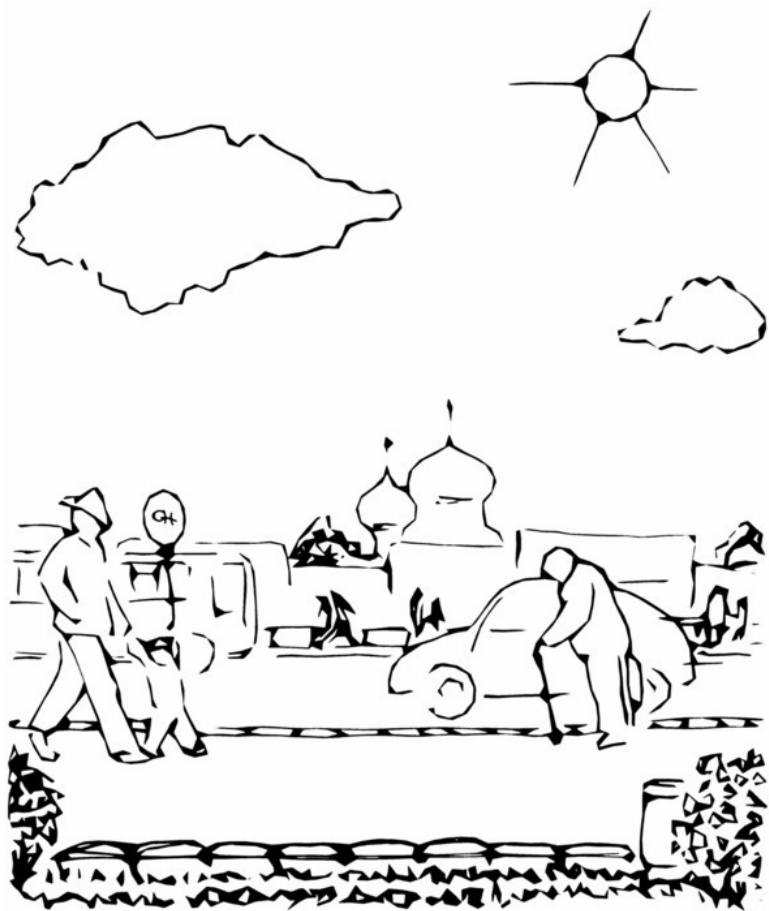
При иных обстоятельствах подобное место было бы для меня идеальным убежищем. Организация, непонятно чем и зачем занимающаяся, наилучшим образом оправдывает убожество собственных сотрудников, для чего скорее всего и существует.

Над головой тем временем неожиданно прогрехотал вертолет, временно вытесняя собой все остальные звуки вокруг. Прохожие как один посмотрели наверх, прикрывая рукой глаза от солнца.

Тем временем я вышел на мост и совершенно незаметно

для себя достиг его середины. И только там в самой высокой его точке словно бы очнулся и с интересом огляделся. Все же любой мост имеет свою скрытую мистическую сущность.

Из под моста показался нос длинной и плоской баржи. А откуда-то из-за горизонта налетела вереница редких белоснежных облаков, таких особенно фактурных и словно нарисованных.

Навстречу мне шествовали привычно озабоченные люди. Будто одни и те же. Я помню раньше в это время дня на улице и народу-то в таком количестве никогда не бывало. Все сидели на работе, ну или не сидели, но целый день где-то работали, учились, лечились. А теперь чуть ни круглыми сутками все вокруг бегают с жутко деловым и каким-то даже драматическим видом, так что и не понятно, а кто же работает на самом деле.

Люди пробегали не просто с серьезными лицами, а с очень напряженным видом в целом, распространяя это напряжение и вширь и вглубь вокруг себя, одновременно аккумулируя его в себе от окружающих, от каждого встречного, от каждого своего моментального дискомфорта, от каждой своей персональной даже самой мельчайшей загогулины. Так что напряжение очевидным образом возрастало, и выхода для всей этой негативной энергии пока не наблюдалось.

Зато в голове воцарилась долгожданная тишина. Нездоровое возбуждение, вызванное посещением бывшей работы, улеглось. И далее я просто шел и смотрел вокруг.

На главном проспекте преобладали люди в непривычно цветной одежде и такие и сякие, в большинстве своем туристы, запыленные машины, гудящие троллейбусы и тархатящие автобусы, с прижатыми к окнам распаренными лицами, светофоры на переходах, летние кафе, растерянные иностранцы, облупившиеся фасады исторических зданий, многочисленные магазины на любой вкус, один тротуар выбелен

ослепительным солнцем, другой, по которому я и двигался, затаился в тени, очередной выход из метро, извергающий все новых и новых людей, бегущих по делам и без, и повсюду реклама чего-то.

Наконец, я дошел до огромного монументального здания, в котором работал мой приятель, и заскочил в его широченную, официального вида парадную с вертушкой и охранником, пестрящую разнообразными табличками офисов, вывешенными чуть не на каждой лестничной площадке, на любой вкус и цвет. Чего тут только не было. И компьютерные какие-то фирмы, и косметические салоны, и сетевые магазины, и курсы иностранных языков. В общем, все, что только пожелаешь. Вполне себе автономное пространство. Если что, можно будет пользоваться услугами друг друга.

Примерно в такой же бизнес-центр я отходил на свой английский всю эту долгую зиму. И хоть бы что осталось в голове.

Я забежал на последний этаж и позвонил в высокую железную дверь, на которой красовалась отполированная до блеска табличка с надписью «Нева».

Что за «Нева», и причем тут именно «Нева», никто не знал и знать не хотел. Я пару раз спрашивал об этом своего приятеля, но он так ничего толком и не сказал, а больше и спросить было некого. А с другой стороны тоже, какая разница? К чему тут конкретика и какой-то особенный смысл? «Нева» и «Нева». Бывает, небось, и похуже что-ни-

будь, с тем же самым уровнем практической достоверности.

Приятель открыл не сразу и, впустив меня, вернулся на импровизированную офисную кухню, где он видимо до этого обедал.

Был он непременно заспанный, всклокоченный и усталый, как и подобает отцу троих детей, в неизменной мятой футболке и потертых джинсах, с диковатыми покрасневшими глазами и весьма небритый. Как всегда все его движения были стремительными, но одновременно какими-то рассеянными и скорее рефлекторными, чем осознанными.

На футболке было что-то нарисовано и написано, но уже давно не читалось. Помню, он всю носил эту футболку еще пять лет назад.

Я тоже налил себе кофе из шикарной огромной кофеварки и плюхнулся напротив него на удобный креслоподобный стул. При этом мы сохраняли обоюдное приветливое молчание и даже особенно друг на друга не пялились. Я решил, пусть доест сначала, тем более, что с ним такое случалось и раньше. Пока он сам не соизволит начать беседу, то тебя как будто и не существует рядом. У каждого, в общем, свои тараканы.

Наконец я допил свой кофе и уже готов был прервать молчание, но тут зазвенел мобильный телефон, и мой приятель, выудив его откуда-то из себя и не глядя ткнув на кнопку приема вызова, поднес его к уху и застыл с ним так и не проронив ни звука.

Уникальный все-таки человек. Он просидел так еще с минуту, не меньше, и неожиданно хмыкнув что-то нечленораздельное, так же молча убрал телефон и вдруг с некоторым удивлением посмотрел на меня.

– Привет! – сказал я, рассматривая его сосредоточенное лицо, – отлично выглядишь. Сразу видно, что у человека все в порядке и жизнь удалась.

На этом лице проявилось некоторое недоумение, даже скорее некоторый диссонанс, будто он натурально только теперь меня увидел. Что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

Он мог впустить меня, сидеть вот так напротив и десять минут и полчаса, не распознавая при этом совершенно. Порой он настолько витал в своих мыслях, что будто здесь была лишь его тень, а сам он при этом за сотни километров отсюда.

– Здорово, – наконец, кивнул он мне и даже почти улыбнулся, – все шутики шутишь? Дошутишься рано или поздно. Сейчас с чувством юмора у людей плохо стало. Чего так рано появился?

Меня признали, и это уже был несомненный плюс. Теперь можно было разговаривать.

– Да так. Я сегодня с работы увольнялся, вот и освободился раньше. Не такое уж это оказалось сложное дело. Зато освободился видимо надолго, – приветливо улыбнулся я, забавляясь его этой серьезности, – а ты чего сильно занят?

Что-то не похоже. Я всего-то на час раньше пришел. Но если мешаю, могу заскочить попозже. Не вопрос.

— Как так — увольнялся? — недоуменно перебил он, уже заинтересованно на меня глядя, — ты же там лет десять как, а то и больше. И вот так взял и уволился? И что думаешь делать дальше?

— Пока ничего не думаю. Найдется что. Не без рук, чай. Есть всякие мысли, идеи. Но это все потом. Хочу недельку отдохнуть и ни хрена не делать. Заколебался я на этой работе. Деградировал совершенно и нервы ни к черту.

Приятель наконец перестал на меня таращиться, выбрал себе на столе относительно чистую кружку и тоже налил кофе.

— Ну на то она и работа. А ты как хотел? Работать поменьше, а получать побольше, еще и непрестанно развиваясь? Тоже мне, оригинальная идея.

— На фиг такую работу, когда непонятно ради чего ты свергаешь себя в процесс глобальной бессознательной имитации. Словно в товарном вагоне без света, окон и тормозов. Неизвестно куда, медленно и однообразно. И все вокруг только делают вид, что от них что-то зависит, скрывая за этим непроходимую скуку. День за днем, месяц за месяцем. Жизнь пролетит, а ты так и не поймешь, что делал все это время. И ладно бы было нечем больше заняться. А у меня с этим проблем нет. У меня уже месяц как пара халтур висит, все руки не доходят. Из города этого два года не вы-

лезая. Задолбало!

Я одним глотком допил кофе и со стуком поставил кружку на стол, уже мучительно переживая этот свой эмоциональный всплеск. Ни к чему это было совершенно, да еще выговаривать подобное своему приятелю, у которого вся эта безысходность уже столько лет на лице написана.

– Ясно. Кризис среднего возраста. Жениться тебе надо. Сразу бы понял в чем смысл бытия. Если надумаешь, я могу тебе здесь местечко подыскать? Все же смена обстановки. Нам инженер нужен, тестировщик и оператор. Выбирай, что больше нравится.

– Спасибо, конечно, но я пока пасс. Пьянящий глоток свободы уже вскружил ему голову. Еще не надышался. Сам-то ты как? Что с вашим грандиозным проектом?

Он на глазах сразу как-то сник и обреченно посмотрел на кофейную лужицу образовавшуюся под его кружкой.

– Да накрылся наш грандиозный проект медным тазом. Денег нет ни фига. Сначала заказчики один за другим свалили, а за ними деньги, как водится. Я вот боюсь без премии на лето остаться, считай без зарплаты, а ты говоришь – как дела. Хреново дела. Так что не будем о грустном. Впрочем, может еще образуется... А ты чего вообще хотел? Вряд ли просто так зашел на меня посмотреть?

Он снова уставился на меня, на этот раз подозрительно.

– Напрасно ты отрицаешь такую возможность. Я, может, ночей не сплю, по тебе скучаю, а ты так цинично меня взял

и обидел.

– Знаю я тебя. Ночей он не спит, – с сомнением проворчал он, но все же опять почти улыбнулся, – может, сходим сегодня куда-нибудь, накатим, а? Уж так давно выпить хочется, а все как-то некогда, да и не с кем.

– Обязательно сходим. Но только не сегодня. У меня на сегодня еще одно важное дело, а вечером я обещался своим бывшим коллегами проставиться напоследок. Сам понимаешь – традиция! Я бы тебя тоже позвал, но там обстановка будет скорее деструктивная. На фига тебе это надо? Кроме того у меня все-таки есть к тебе небольшое дело. Мне ноутбук нужен хотя бы на время. Помнишь, ты мне предлагал как-то. У тебя ведь их тут до дури?

– Ну вот она – сермяжная правда! Друга он забежал проведать, конечно. Сволочь ты все-таки, а не человек. Видеть тебя больше не хочу. Забирай и катись, пока я добрый.

Я как мог выразил на лице недоумение.

– Ну ты уж так-то не истери, а то еще увидит кто. Завтра же пятница, так что будет тебе праздник. Обещаю! Просто перенесем на завтра? Не кипятись! Давай я к тебе завтра в конце дня забегу и отправимся во все тяжкие. Если, конечно, я после сегодняшнего еще буду в форме. А то тоже давно не закладывал. Могу и сорваться.

Приятель моментально несколько оттаял.

– Ты уж тогда особо обещаниями не раскидывайся. Знаю я эти корпоративные посиделки. Лучше держи себя в руках,

и не забывай старых друзей. Грех это.

Он поднялся и полез в кладовую, располагавшуюся через коридор как раз напротив кухни. Так что я очень хорошо видел, как он там ковыряется в полумраке.

– Ну тогда я тебе завтра после обеда звякну. Если жив буду. Сразу и договоримся. ОК?

– Да. Ладно. Звони, – примирительно сказал он мне напоследок, сунул сумку с ноутбуком мне в руки и выпроводил на лестницу.

Я на прощание его еще раз от души поблагодарил и мигом сбежал вниз, на бегу вытаскивая сигареты.

Вертушка. Охранник. Таблички.

Тяжелая дубовая дверь шумно за мной затворилась, лязгнув древним доводчиком.

На улице прямо с неба, словно грязно серый невесомый снег падал пепел мелкими хлопьями, постепенно скапливаясь призрачными горстями по углам, вдоль тротуара и у стен домов. Солнце светило ощутимо тусклее, чем еще полчаса назад. Но никто, казалось, не обращал на это никакого внимания, будто всю свою жизнь они жили по соседству с вулканом, извергающимся не реже, чем раз в сезон. Или же просто все были в курсе по поводу этого пепла и не переживали по его поводу.

Так и я, недоуменно взглянув по сторонам, решил про себя, что пепел и пепел. И пошел по своим делам, будто ничего на самом деле не происходит.

V

Меж тем день ото дня становилось все теплее и теплее. А сегодня так вообще сделалось душно и жарко. Словно где-то там, в неведомых далях собиралась ужасающая гроза.

А сам по себе город, если смотреть отсюда сверху, в такую жару был похож на огромную кухню. К примеру, кухню какого-нибудь высокого ресторана в самый разгар приготовления одного из фирменных блюд. Ну например, из рыбы, или кальмаров. Или, еще лучше, устриц.

Причем сами эти копошащиеся внутри своих раковин, еще вполне себе живые устрицы даже не подозревали о том, что очень скоро им предстоит из живых существ превратиться в чью-то гламурную пищу и, в конце концов, неминуемо перейти в царство мертвых.

И в свете этой жаркой погоды, все более жаркой день ото дня, каменный исторический центр города напоминал собой, то ли раскаленный противень, то ли раскочегаренную духовую печь. Ибо мало кто в наших местах станет есть этих морских гадов сырыми, пусть даже с лимонным соком или в экзотическом соусе. Не народилось здесь в таком количестве будто прирожденных гурманов, да эстетов, сведущих в поедании устриц и всего остального.

Но устрицам, похоже, все эти приготовления были пока нипочем. И в своей каждодневной суете внутри себя они от-

мечали лишь то самое возрастающее с течением времени напряжение вокруг, разве еще жару и ничего более.

И дело собственно не в устрицах, сверху особо и не разобрать, устрицы там внизу, или кто, устричный бар или что-то совсем другое, но еще год назад ничего подобного весной никому и в голову бы не пришло. Ведь раньше эти первые по-настоящему жаркие весенние дни не приносили с собой ничего кроме простой человеческой радости и робкой надежды. Да и сами люди, сколь бы бледными и растерзанными они не казались после долгой зимы, устриц собой никак не напоминали. И уже само осознание этой перемены еще более усиливало ощущение охватившего этот город преддверья непонятного чего.

Его не чувствовали лишь те, кто обычно вообще ничего вокруг себя не замечают. Те, у кого де факто абсолютно все проистекает должным образом. Или не проистекает вообще ничего. И возможно именно подобные граждане являлись непосредственной причиной этого напряжения. Либо ты здесь, либо ты там. Иного не дано.

Достаточно вспомнить яркие исторические примеры, великую инквизицию, например. Или социалистическую революцию какую-нибудь. Любое достаточно масштабное противостояние делит всех на два лагеря, хочешь ты того или нет.

А противостояния нынче много образовалось.

Иной раз кажется, что словно пришло время ничтожных людей, ибо много всякой швали повсплывало наверх. По-

смотришь на иного в телевизоре где-нибудь, слушаешь ненароком, и волосы дыбом встают. То ли больной человек, то ли придушивается. Думаешь клоун или пародист, а потом читаешь, что губернатор какой-нибудь или даже министр. И многим бы хотелось, чтобы как в какой-нибудь сказке, все встало бы на свои места и свет победил бы эту серость. Иным из которых так прямая дорога в чистилище.

И призрачная очередь из этих новоявленных хозяев жизни, тех же по сути устриц, но покрупнее, уже выстроилась вон из города и, змеей обвивая его, уходила напрямик под землю.

В сказке и не такое бывает. Когда вот так сразу воздают тебе по делам твоим. В очередь и на выход. Очень натурально и красиво.

И кого только в той очереди нет! Вон министры с губернаторами, и прошлые и нынешние, с немногочисленными, но вполне состоявшимися друзьями и родственниками, полпред вроде или председатель совета, конечно же народные избранники практически в полном составе, служители культа, чиновники покрупнее и помельче, кое какие банкиры и менеджеры первого звена, потом просто бизнесмены с уголовными наклонностями и наоборот, вереница успешных маркетологов, политтехнологов и прочих аферистов, тут же, как будто, директор одного из крупнейших музеев.

Уж как он сюда угодил, совершенно непонятно. Вроде вполне приличный был человек. Тут и один ректор и другой.

Тот-то точно доигрался с государственной казной. А может и с чем другим.

Затем еще директора, активисты, нацисты, судьи, экономисты, юристы, пропагандисты. Армейские и полицейские чины. А дальше уже по мелочи и оттуда и отсюда. Остался ли кто в городе при таком раскладе?

А вообще, интересное общество получилось. Во всех смыслах разнообразное и знаковое, но объединенное общей сакральной меркантильной идеей. И иерархия вроде та же. Первого в очереди я правда не разглядел, но со спины очень даже похож.

А может это просто от жары в голову лезла всякая ахинея. А в этих весенних ослепительных солнечных лучах, отраженных от тысячи сверкающих крыш и позолоченных шпилей, чего только не покажется. Так и архангелы померещатся вскоре, и бог знает что еще.

Видно настолько далеко разошлись друг от друга противоположные человеческие категории и качества в этом городе, что в разряженной атмосфере посередине зародилась небывалая черная дыра, антиматерия, энергетический вакуум. Что тоже могло спровоцировать подобное видение.

Ну а что же благородные обыватели? Эта основная масса с виду добропорядочных людей? Она как балласт на терпящем бедствие судне, как плохо закрепленный и никому не нужный уже груз, переваливается от одного его борта к другому, раз от раза лишь только усиливая общий крен.

Ибо противопоставить этому балласту стихии нечего. Тот самый паноптикум, зародившийся один раз, неважно где именно и когда, пронзал собой все слои общества, превращая бедные головы этих людей лишь в резонирующие отражатели. И сами по себе они как будто уже ничего не решали и ничего не могли.

Именно так образуется неустойчивость. Когда казалась бы самая надежная система, основанная на будто незыблемых физических законах, патриотизме и национальной валюте, натывается на невидимый ранее айсберг несоответствия желаний и возможностей, и тут вдруг оказывается, что фундамент то весь прогнил и стоять всей этой махине по сути не на чем.

И потом лишь многочисленные изумленные лица, промелькнув за секунду в этом своем роковом падении, исчезают в пучине чужих страстей. И, в конце концов, может случиться и такое, что не останется уже совсем никого.

VI

Набегавшись за день по жаре, я сидел высунув язык у себя, на своей уже бывшей работе, вернее полулежал на огромном драном диване у нас в тайной комнате, что располагалась в самом конце длинного путанного коридора, куда никто и никогда не доходил.

Это был шикарный кожаный диван, кстати, не такой уж и драный. Он достался нам по случаю, после очередного ремонта, устроенного очередным проректором, который в свою очередь был начальником, начальника нашего управления. Это было еще лет семь назад. Мы тогда просто оказались в нужное время в нужном месте, и диван немедленно перекочевал к нам.

Вокруг царили столь приятные теперь прохлада и полумрак. И именно теперь, когда я уже не принадлежал этому месту, еще вчера такой скудный и скучный интерьер меня приятно забавлял. Будто бы я оказался в каком-то музее.

Дальний угол был изначально завален каким-то там бахлам еще до нас. Мы то и дело присовокупляли к нему свое. В другом углу штабелем стояли разнокалиберные коробки из под оборудования, которые мы все никак не могли выкинуть, справедливо полагая, что там за коробками откроется еще что-нибудь ужасное, что надо будет выносить, чистить, ремонтировать или еще что-нибудь с ним делать.

Потому коробки давно уже стали неотъемлемой частью интерьера. Помимо дивана была еще пара огромных кресел отсюда же и несколько вполне себе удобных стульев. Старый шкаф до потолка, забитый какими-то никому не нужными проводами и всякими нужными и не очень устройствами. И еще один шкаф, переделанный нами в буфет, с посудой и всякими полезными емкостями. Ну и многофункциональный длинный стол посреди помещения, скрученный из уродливых железак и огромной деревянной столешницы.

Теперь на этом столе возвышались давешние емкости, содержащие в себе разливное пиво из ближайшего ресторана, где у нас с давних пор работал знакомый бармен и в этом смысле нам иногда всячески содействовал. Мой неизменный напарник и друг убежал на очередную последнюю заявку, а напротив меня в креслах теперь поблескивали одинаковыми очками двое коллег из дружественного отдела. Те самые таинственные и не видимые для смертных администраторы всей сети.

Я все эти годы работал с ними изо дня в день, но как-то сошлись мы не очень близко, и разговор потому был более информативно-светским, чем незатейливым приятельским.

Даже теперь в непосредственной близости отличить их друг от друга было затруднительно, хоть они не были родственниками и были разного возраста. Эти люди круглыми сутками сидели в полутемном подвале по соседству с единственным источником освещения в виде компьютерных монито-

ров, что не лучшим образом сказалось на их теперешней внешности. Оба заросшие чуть не до самых бровей косматыми бородами, не мытые и не чесанные, с блуждающими и какими-то мутными глазами. Оба говорили крайне невнятно и все несли какую-то чушь про недоношенное программное обеспечение и не соответствующие запросам мощности очередного приобретенного сервера.

Я слушал их в пол уха и только изредка вставлял что-то односложное типа, да-да, или, да ну.

И, чтобы побыстрее войти в нужный ритм общения и отбросить всяческие предрассудки свободного человека, я налил себе полную кружку крепкого темного пива и выпил ее чуть ли не залпом. Неразборчивое бормотание с той стороны стола сразу сделалось явственнее и даже как будто ближе.

Единственное, что меня теперь раздражало, это одинокая тусклая лампочка под потолком без всякого абажура. Она всегда меня бесила и явственно нарушала столь интимную обстановку и вообще гармонию. Я думал теперь, что если бы у меня был пистолет или на худой конец рогатка, то я бы определенно сейчас в нее выстрелил, дабы навсегда удалить этот объект из поля моего зрения.

А в остальном все было прекрасно. Я сделал сегодня все свои дела, какие хотел, и теперь имел полное право расслабиться окончательно и бесповоротно.

Только поскорей бы вернулся Сережка, а то эти персонажи напротив уже начинали нагонять на меня смертную тос-

ку. В его же присутствии обычно все сразу вставало на свои места и никто не чувствовал себя обделенным вниманием. Разговор приобретал необходимую невесомость и уходил от всяких специальных никому ненужных подробностей. Вот такой вот он был человек. Просто душка!

Эта наша конура была еще интересна тем, что из нее не выходило ни одного окна. Как в бункере, полная оторванность от цивилизованного мира вокруг и полное погружение в пучину средневекового ханжества. Иногда, в случае очередного приступа острого неприятия реальной действительности, что случалось в последнее время все чаще и чаще, здесь можно было скрыться от всего и вся хоть на какое-то время и отвести душу. В связи с этим мы сохраняли тайну этой нашей подсобки, как нечто самое сокровенное и кроме этих двоих, случайно попавших в святая святых, никого более сюда не допускали.

Дабы прервать занудство, я спросил у Леши, так звали одного из них, не думал ли он отсюда, наконец, свалить на другую работу, коли уж все настолько плохо.

Те лишь устало переглянулись и ухмыльнувшись ответили, что тогда уж в другую страну, и что для таких путешествий они уже старые, и что и здесь теперь пиво нормальное. В общем, их позиция и раньше была мне совершенно ясна. Я просто хотел проверить, не произошло ли каких-нибудь изменений.

Изменений не произошло. Наверное, так пить пиво на ра-

боте, как это делали здесь они, им бы больше нигде не позволили, и это был основной и определяющий довод. По крайней мере, здесь была полная определенность.

Второй из них по имени Игорь, дотянулся до клавиатуры нашего компьютера, стоявшего на полу, собранного из всякого никому ненужного хлама и поставленного здесь специально для скрашивания пребывания, и, выбрав новую папку с музыкой, эффектным щелчком клавиши отправил ее в эфир.

Помещение заполнили мягкие звуки какого-то сладковатого британского рока все тех же бесконечных шестидесятых. Но это было именно то, что нужно. Не попсу же слушать, ну и не реквием. Хотя иногда хотелось именно реквием.

Тем временем снаружи наконец хлопнула дверь, и в святилище с измученным лицом влетел встрепанный и нервный Серега.

При всем при том, выглядел он как всегда элегантно, в достаточно чистой для конца рабочего дня, даже практически ослепительно белой, рубашке, к которой настойчиво просился галстук, чуть ли не в отутюженных брюках и почти безукоризненно выбритый. Только абсолютно голый череп с нарочито круглыми очками придавали его образу некоторую излишнюю артистичность и неоднозначность. К тому же вытянутое худое лицо его имело постоянное выражение некоторой надменности и легкого утомления. Именно легкого,

вне зависимости от действительного.

Он тут же молча налил себе полную кружку пива и моментально выпил залпом, чем привел меня в искренний восторг. Лично я так уже не мог. Впрочем, коллеги напротив тоже посмотрели на моего друга с некоторой завистью.

– Хорошо! Но все еще ненавижу! – молвил Сергей, допив пиво, и тут же налил себе еще.

– Не иначе бухгалтерия, – бросил я с непонятной мне пока интонацией человека со стороны, – мои соболезнования.

– Она! Ты как никогда прав, черт возьми. Именно бухгалтерия. Причем самый затрапезный и дурацкий ее отдел. Тот, что на последнем этаже за фикусом в конце коридора. Помнишь? Даже не верится, что все уже позади. Но я сильно надеюсь. Будь они там все трижды неладны! Сколько времени? Восемь! Полтора часа я там провозился на пустом месте. Все! Я для всех ушел. К телефону никому не подходить, а не то пристрелю!

Я пробурчал только что-то про то, что фикус этот никакой на самом деле не фикус. Но так, чтобы никто специально меня не услышал. Пусть Сережа быстрее уже отойдет, а то еще пустится в какую-нибудь специальную дискуссию. Его уже вроде отпустило, но эмоции извергались теперь по инерции.

– Не будь так строг к ним, – попытался я его успокоить его же любимыми высказываниями. – В конце концов, это единственный отдел в администрации, который занимается действительно общественно полезным делом. Помни! Не бу-

дет бухгалтерии, не будет зарплаты!

Он тут же снисходительно мне усмехнулся.

– Да знаю, знаю, мой мальчик. Сам себе все время это твержу как молитву. И все равно иногда ненавижу. Имею полное право! Работают-то они там работают, а все равно тупые как пробки. И все бы ничего, если бы не гонор и море пожеланий! Расплодили их, ну ты сам знаешь. Раньше вместо десятка подобных специалистов обставленных компьютерами и оргтехникой с ног до головы пара человек с деревянными счетами и калькулятором, на худой конец, сидела и тихо работала. Похоже весь научно-технический прогресс был затеян исключительно для того только, чтобы обеспечить работой подобных тупиц и удовлетворить их самолюбие, повысив таким образом их псевдозначимость в собственных глазах. Именно поэтому мы на каждом углу заполняем чертову уйму анкет, форм, заявлений и прочих бланков, предъявляем пачки ненужных справок и чеков, проходим дополнительные системы проверок и контроля, стоим в очередях и тут и там...

– И как результат, теряем веру в светлое будущее, деградируем и спиваемся! – хихикнул и заерзал Лешка напротив, разливая всем очередную порцию пива и ритмично мерцая где-то там своими очками.

Вообще-то мой Сережка был добрый, терпеливый, умный и все такое, но под конец рабочего дня даже у таких адептов периодически сдают нервы. А тут еще я уволился, фактиче-

ски дезертировал. Бросил, можно сказать, друга на произвол судьбы. Так что этот эмоциональный всплеск был мне понятен. Да и коллеги, сидящие напротив, все это время понимающе кивали, сочувственно поглядывая на Сережу. Что такое бухгалтерия они знали не понаслышке.

– Закрыв заявку – открой чакры! – ободряюще блеснул очками Игорь, – и вообще отдыхай! Главное это то, что наша деятельность безусловно созидаящая. Мы даем людям то, без чего они уже не могут ни жить, ни трудиться. Скорая медицинская помощь! Пусть себе думают, что мир крутится вокруг них. Но без нас они достаточно скоро канут в небытие. Скорее, чем думают. Садись, выпьем, дабы очиститься от воздействия этих чужеродных организмов. Ибо именно они есть паразиты системы. Хоть и говорят, что не они для нас, но мы для них. Или наоборот? Как там это было? Не помню..

– Вы тут что курите, братцы? – присаживаясь, недоуменно спросил Серега, глядя на коллег напротив, – я всего лишь был в бухгалтерии. Это нормальная естественная реакция адекватного человека на невоспитанность и необразованность, не более того.

Правые из очков напротив меня упрямо вскинулись и уставились на Серегу.

– Можно конечно и так сказать. А можно сказать, что ты был на вражеской территории, – вслед Игорю, теперь и Алексеевы очки заговорили, глядя на нас с Сережей, – не смот-

ря на то, что мы им организовали халявный файловый архив, они в прошлом месяце лишили нас с Игорем премии, ни за что, ни про что. Кто-то там не подписался или бумажку нужную потеряли. Этот кто-то у них там все время все путает, но исключительно не в нашу пользу, что характерно. А попробуй мы чего забыть подключить или настроить, вони будет на весь институт.

– Ну да, да. В чем-то ты конечно прав. Это как другой мир, а мы в нем и правда то ли врачи-реаниматоры, то ли боги. Ну или полубоги. «Трудно быть богом» читал? То-то же. К ним надо относиться как к пациентам в дурдоме, а к некоторым и как к умственно отсталым. Быть мягкими, вежливыми и предупредительными, – весело проговорил Серега и посмотрел на меня. – Эх, на кого ты меня покинул? Мне без тебя плохо будет.

Я даже погладил его по голове.

– Не будет. Ты и так почти все делал один, а я так, больше на подхвате сидел, – возразил я и поднял кружку с пивом. – Найдешь себе нового падавана. Давайте-ка лучше выпьем за разрешение напряженностей, а то их развелось уже слишком. Вон даже пепел с неба падает. Словно проводка там наверху перегорела. Хорошо еще не угли. Не иначе в воздухе начались спонтанные возгорания. Не к добру это. Не случилось бы чего похлеще. Тут на днях профессора подрались на кафедре, так куда уж дальше!

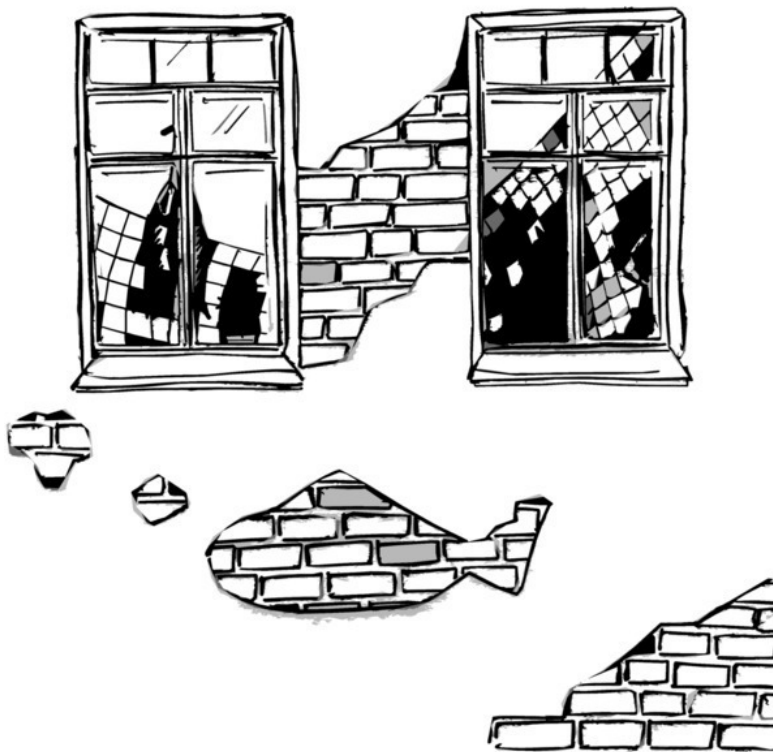
– Пепел? – с сомнением переспросил Лешка, – спутник

что ли очередной накрылся?

Пиво закончилось неожиданно быстро, и наших коллег сразу как ветром сдуло. В этом была их исключительная прелесть. Хорошо когда ты знаешь, что кто-то однозначно реагирует на что-то. Этим всегда при случае можно воспользоваться без каких-либо угрызений совести и особенных затруднений, дабы достичь требуемого результата.

Лично я не особенно расстроился, когда они ушли. Они по жизни были настолько же самодостаточны, насколько занудны, и в дополнительном общении, в общем-то, совсем не нуждались. С другой стороны требовалось изрядное количество усилий, чтобы разобрать, что они там бормотали себе под нос. Рано или поздно это начинало раздражать. Так что мы хорошо провели это время и довольны с них.

А мы с Серегой еще посидели просто так, слушая разную музыку, непрерывно закуривая и болтая без остановки ни о чем. И только спустя час, поглядев на часы, нехотя поднялись и двинулись к метро.

♀

На улице было просто прекрасно. Такое бывает только весенними вечерами. Тепло, светло и людей почему-то до крайности мало. Мы не торопясь шли по улице, продол-

жая непрерывно разговаривать, будто не виделись уже бог знает сколько времени. Между делом мы, не сговариваясь, то и дело украдкой поглядывали по сторонам на многочисленные кабаки и прочие забегаловки. Явственно хотелось продолжения банкета, но ни он, ни я пока не признавались друг другу в этой слабости, делая вид, что мы уже взрослые люди и знаем границы дозволенного и всякие прочие пределы тоже.

Было часов десять, самое начало одиннадцатого. Детское время, в общем-то. Солнце только-только скрылось за крышами, но небо все еще было пронзительно светлым. Именно таким, чтобы не хотелось терять его из виду и тем более забираться в метро.

Тогда мы приняли Соломоново решение в виде очередного летнего бара прямо на тротуаре. Причем зашли туда уже перед самым входом в метро почти синхронно, используя этот последний шанс рефлекторно.

Проспект у метро оказался также подозрительно пустым. Только одинокие прохожие то и дело ныряли в метро, да время от времени, гремя всеми своими сочленениями, по улице проносился очередной полупустой трамвай, да откуда-то издалека грохотал очередной салют.

Последнее время не проходило и дня, чтобы где-нибудь не грохотал салют. То ли праздник у кого-то, или же этот кто-то изо всех сил крепился наперекор судьбе, наперекор всему. И, будто ничего такого на самом деле не происходит,

покупал на последние деньги эти ракеты и петарды, да и подрывал все это методично и весело.

Однако скорее то был не праздник, а лишь шумовая завеса. Отвлекающий маневр, чтобы никто не заметил, как из осажденного города отходят то ли крысы, то ли остатки разумного доброго вечного и уплывают потом из гавани в открытое море к неведомым еще берегам.

– А помнишь Ленку, которая у нас работала лет семь назад. Аппетитная такая брюнетка со сногшибательной фигурой? Все еще с тобой заигрывала, вы еще курить выходили по полчаса? Так я ее встретил недавно. Замуж естественно выскочила, – как мне показалось с сожалением молвил Серега, – хотя все также весьма мила и обворожительна. Узнала сразу, обрадовалась. Мы с ней с полчаса проболтали под дождем.

– Помню, помню. Ты еще все наезжал на нее из-за сигарет. Типа это ее портит, неоригинально, вульгарный образ и все такое. Веселая была девчонка. Сообразительная и вообще находчивая. Без комплексов. Теперь наверное уже не курит, дети и все такое?

Серега только пожал плечами и с интересом огляделся.

– Как-то подозрительно малоллюдно. Вроде середина недели. Ты посмотри, вообще никого! Я это место иначе как заполненным толпами людей себе не представляю. Может праздник в городе какой-нибудь? Какое вообще сегодня число? – спросил Сережка, поудобнее устраиваясь в плетеном

кресле бара, – даже у метро почти никого не видеть! Небывалое что-то!

– Может просто поздно уже? Какой там праздник! У нас каждый день подобный праздник. Разве только в центре что-нибудь происходит. Парад перед днем победы должны были сегодня репетировать, – неуверенно предположил я, – может и салют поэтому. Тоже репетируют. Ну и традиционно по дачам разъехались.

– Парад? Быть может. Давно я на парад не ходил. Почти что с самого детства. Как-то не хочется эти детские впечатления трогать. Пусть так и лежат там чистые и незамутненные.

На столике перед нами красовались уже две полупустые пивные кружки, а из пепельницы торчало три окурка.

Кроме нас в противоположном углу под навесом сидела подвыпившая компания раскрасневшихся курсантов с девочками. И те и другие ржали в голос, курсанты обнимали и щупали девушек, те в ответ страстно прижимались к молодым людям и строили глазки. Оттуда то и дело доносились чьи-то имена, потом пара односложных глаголов и снова ржач.

В доме напротив на верхнем этаже распахнув окна отчаянная тетка в розовом халате мужественно терла стекла мокрой тряпкой, то и дело опасливо поглядывая вниз..

– Я тоже с детства на парады и демонстрации не ходил. Когда энтузиазма нет, все это уже выглядит как-то не так.

А ведь, были люди в наше время. Хотя все это дела давно минувших дней. Последние отзвуки, так сказать, великого прошлого.

В голове постепенно нарастал особенный такой шум. Это когда словно не слышишь сам себя и своих собственных мыслей.

– Ну, с учетом того, что это победа и эта война были в то время, безусловно да. В грядущих сражениях мы вряд ли одержим столь однозначную победу. А скорее даже незамедлительно и мужественно падем, словно картонные декорации. Ибо не за что больше биться. Ни родины, ни царя, ни светлого будущего. Даже прошлое исчезает у нас на глазах, трансформируясь во что-то мутное и навоеванное.

На ограду рядом с нами приземлился брезгливый отъевшийся голубь и высокомерно посмотрел на меня.

– Ну, это спорно. То, что не за что биться. Кому как. Это у нас с тобой ничего кроме работы, раздражения и усталости не нажито, а у других есть и семьи, и дети, домик в пригороде с огородом, наконец. Да мало ли что может быть у людей, ипотека, кредитный автомобиль, поездки в Египет. Большинству, я думаю, всегда есть что терять, – лениво возразил я просто так, – да и с отчаяния, да от голода, ежели народный гнев направить в нужную сторону, они ведь голыми руками порвут. Хотя я понимаю, о чем ты. Бесцельное какое-то прозябание. Словно круг за кругом по орбите в невесомости. И планета размером с грейпфрут. Мельчают и цели и лю-

ди. Прикрываются социальной, физиологической, исторической несправедливостью, потом уже просто несправедливостью и те и другие, скрывая собственное невежество и ничтожество, отсутствие каких либо внятных желаний кроме тех самых меркантильных. А то, что жить, вообще говоря, стоило бы ради чего-то другого, приносящего истинную, может быть даже высшую радость, счастье, хоть какое-то самоуважение, уже почти никто и не вспоминает. А ведь естественный отбор не дремлет. Ведь только с нашего курса сколько народу уехало. Все кто более-менее чего-то реально могут или даже просто хотят большего уезжают. И что тогда остается?

Алкоголь уже здорово сказывался на градусе моего гражданского самосознания.

Тут бармен принес нам еще две огромные кружки с темным пивом и корзинку с аппетитными гренками.

– А чего бы тебе хотелось вместо всего этого? – весело улыбаясь спросил Серега, – даже этот неидеальный мир не без добрых людей.

Заглушая его, откуда-то из центра города раздался очередной оглушительный залп салюта.

VII

Город снова переменился. Теперь он уже напоминал сверху не устричный бар, а скорее арену цирка. По улицам, словно кольцом огибающим центральную площадь, шли люди нескончаемой толпой. И сверху совершенно было не видно, кто это такие, зачем они собрались там и что они хотят этим сказать. То ли репетиция дня победы и в правду проходила в городе, то ли крестный ход, то ли акция очередного протеста, то ли вообще карнавал. При этом в самом центре и на отдалении не осталось почти совсем никого, а с окраин медленно ехали серые КамАЗы, набитые одинаково одетыми серыми людьми в касках, и постепенно располагались еще одним кольцом вокруг тех, кто шел по улицам. Точно как в цирке.

Впрочем, нечто подобное повторялось в этом городе время от времени по тому или иному поводу. Просто в этот раз людей, присоединившихся к этой неизвестной акции, стало как будто в несколько раз больше. Да еще в преломляющемся от жары воздухе весь этот город и все эти люди, идущие толпами внизу, словом все это действо, настолько неприятно шевелилось и перемещалось, что принимало и вовсе кошмарные фантастические формы. Будто это какое-то невиданное чудовище вползло в город, и обвивает его теперь своими ужасными кольцами, словно гигантский удав. И не было никаких сомнений, что он проглотит все, что здесь есть, и эти

дома, когда-то изысканной архитектуры, и эти мосты с набережными, и общественный транспорт, и всех этих людей. И тогда уже наверняка настанет конец этому городу, что называется, без вариантов.

И чем дальше, тем интереснее было смотреть на развитие событий там внизу. Все эти толпы сливались во все более явное кольцо, так же как и серые грузовики снаружи. И все это двигалось словно бы бесцельно, но так обреченно, не останавливаясь ни на секунду, что даже глядя на все это сверху становилось немного не по себе.

Но тут внезапно поднявшийся ветерок стал нагонять откуда-то с севера чрезвычайно фактурные, словно бы налитые свинцом, серые тучи. И различать что либо внизу удавалось лишь в жалкие прорехи между ними. А потом и вовсе не осталось ни единой щелочки. Тучи из серых превратились в иссиня-черные, и немедленно запахло электричеством.

И вот он первый, такой беззвучный и словно робкий разряд молнии и тут же здорово встряхнуло и небо и землю. И хлынул ливень, все охлаждающий и примиряющий. Потекли все очищающие потоки воды.

Наверное, все-таки в этот раз обойдется, и сегодня уж точно больше ничего не произойдет. Где уж под таким дождем собраться неведомым силам, когда эти призрачные нити рассекают любые энергетические поля, разбивая их на тысячи маленьких, но уже таких безобидных зарядов. Видимо не пришел еще срок, и точку ставить рано. И у тех самых

устриц словно появился еще один призрачный шанс наперекор всему остаться в живых.

В любом случае, сверху совершенно невозможно стало наблюдать этот спектакль. А вот снизу, с тех самых улиц было видно, как единая толпа, развалившись на отдельные группы, разбегается кто куда по переулкам и подъездам, налево и направо. Ибо дождь действительно вышел грандиозный и потоки по улицам образовались страшные.

Даже КамАЗы стояли притихшие и безмолвные. И никто оттуда так и не высунулся ни разу. Так и стояли они потом до самой поздней ночи, до тех самых пор, пока на улицах вообще никого не осталось, и лишь дождь еще вяло стучал по крышам уже совершенно обессиленный и безобидный.

Так неминуемое, казалось, мероприятие от простого дождя совершенно пришло в упадок и развалилось, не достигнув своего апогея. Хотя может и не затевалось ничего такого? Теперь уже и не поймешь.

Зато первая майская гроза удалась на славу. Такой грозы весной давно уже не бывало. С таким еще ураганом. Во многих парках и во дворах лежали подгнившие тополя, щиты рекламные на набережной подкосило, дорожные знаки и несколько светофоров лежали на тротуарах, на бульварах все было усыпано ветками и листвой, по некоторым переулкам до сих пор стояла вода, ибо ливневая канализация не справлялась. Зато как непривычно чисто и свежо стало вокруг. Смыло почти весь зимний песок, все эти солевые

разводы и прочую грязь еще с прошлого года. Исчезла пыль в воздухе, да и привычный городской смрад развеялся. Так легко и приятно стало просто дышать. Не иначе снизошла благодать.

Стало быть, на этот раз вмешалось само небо. Ибо если уж объяснять что-то непонятное, то опираясь на что-то еще менее понятное, но с виду более глобальное и незыблемое. Не все же оставлять на откуп устрицам. Те такого могут сделать, надумать и наговорить, только дай им волю. Ибо слабые и беспомощные и не ведают, что творят.

VIII

На следующий день проснулся я поздно, полностью осознавая, что сегодня пятница, как бы рабочий день, а мне решительно никуда уже не нужно спешить. Я даже поэтому будильник не стал отключать. И проснувшись рано утром под его омерзительный дребезг, с радостью и наслаждением его отключил и уже по-настоящему счастливый лег спать дальше. Именно в этих мелочах и заключается та самая эмоциональная сторона жизни.

После каждодневного пробуждения в своей обычной суете запускается цикл привычно выполняемых действий или не выполняемых. Из дня в день, с самого утра мы делаем множество повторяющихся движений, их даже не замечая. Так что сегодня я решил сделать все с точностью наоборот. То есть делать то, чего я не делал обычно.

В результате, помимо всего прочего я даже побрился и сделал уборку в своем жилище. Вещей у меня было не много, так что уборка особых хлопот не доставила. Я просто выбросил почти все, что валялись у меня под ногами и как следует пропылесосил все, до чего смог дотянуться.

Кот исчез сразу как только увидел, что назревает серьезная уборка. Появления пылесоса он дожидаться не стал и моментально попросился на улицу.

Все эти действия я выполнял под телевизор, работающий

на всю катушку. Утром я всегда включал канал Animal planet и, в силу того, что альтернатив ему не было, сегодня включил тоже его.

Потом я перемыл всю посуду, водрузил ноутбук на девственно чистый теперь стол, и сварил крепкий кофе. Теперь я как будто был готов двигаться дальше.

Это тоже своего рода способ борьбы с меланхолией, правильно организовать рабочее пространство, навести порядок и тем самым хотя бы временно отгородиться от того хаоса реальной действительности за окном.

Вообще у каждого свой рецепт борьбы со скукой. И зачастую именно она провоцирует всю эту непреходящую деятельность вокруг нас. Весь этот прогресс был затеян всего-навсего в протест бесцельному существованию большинства. В протест ко всему просто живому и естественному, но не адаптированному. По отношению к истории развития и системе отсчета, ко всем этим древним законам и правилам, сдерживающих обывателя в каких-то там рамках. А рамки сделались необходимостью, дабы спасти человека от человека. Таким образом, круг снова замкнулся, и выхода для энергии снова почти никакого не оставалось.

Все это напоминало собой не вполне управляемый ядерный синтез.

Был и у меня свой рецепт. Этот рецепт был заимствован у страуса, и им пользовались все, кому не лень. Очень удобно было просто прятаться. Например, окунувшись с го-

ловой в какую-нибудь работу, непременно архиважную, поехать на край света воевать наемником, пешком через Антарктиду или просто надраться как свинья. Или можно было строгими медитациями заставить себя перестать что-либо видеть и слышать вокруг, или же просто сойти с ума.

Лично я всегда прятался в самом себе. И со всех сторон это очень удобный метод. Именно поэтому до меня было так непросто иногда достучаться. Именно поэтому я был патологически одинок. Зато этот свой внутренний мир я приспособил под себя как мог, раздвинув и расширив его по максимуму. И почти все ценное, что у меня еще оставалось, потихоньку перетащил с собой туда.

Но пора было остановиться и поработать. Утром часто мою голову раздирали подобные противоречия, глобальные вопросы, монологи и тому подобное. Бред взбудораженной совести, как говорил Изя Кацман.

Но как только я уселся работать, расположив подле себя маленькую чашечку изумительно ароматного и горячего кофе, я тут же понял, что поработать не получится. Ибо в голову упрямо полезли мысли не о работе, а о моей странной семье, развалившейся уже давно и теперь существовавшей по отдельности в разных частях этой и уже не только этой страны.

Я сам жил в квартире своего гостеприимного, но отчасти не совсем нормального дяди, который уже неделю как не ночевал дома и сейчас бог знает где шляется.

Я так до сих пор толком и не понял, чем он занимался всю свою жизнь. А теперь, после того как он вышел на пенсию, и подавно. Концы были утеряны. Последний раз, когда я его видел, он утверждал, что очень занят и что у него появилась новая работа, но, по-моему, он выдавал желаемое за действительное, и никакой работы по факту у него не было. Если он чем-то и занимался, то скорее потреблением спиртного с подобными ему падшими интеллигентами и просто с маргиналами с улицы. Хотя сам он с виду оставался человеком неизменно приличным, всегда одевался весьма цивильно и даже со вкусом.

Все эти нюансы в различиях между его формой и содержанием одно время здорово меня интриговали, но внешняя сущность моего дяди изо дня в день представляла как на ладони, ибо видел я его в состоянии разном и уже давно не слишком отделял его самого от его амплуа.

Пофантазировав на тему, где он может теперь быть и что с ним там могло случиться, я незаметно для себя переключился на всю остальную семью, перебирая одного своего родственника за другим и непроизвольно производя аналогии с самим собой.

Аналогии эти меня расстраивали. С наследственностью у меня все было однозначно не слава богу. Но тут уж выбирать не приходилось.

Одно было понятно, день не задался. От всего этого у меня начала развиваться та самая неприятная меланхолия,

и дабы уже хоть как-то отвлечься я стал размышлять о буддизме. Эти мысли меня почему-то неизменно успокаивали и вселяли смутную надежду на что-то еще. Типа, кем бы мне, если бы довелось, конечно, хотелось бы быть еще?

На счет своей предыдущей жизни я был абсолютно уверен. Я часто видел что-то такое в своих снах. Я был то ли рыбаком, то ли смотрителем маяка и жил где-то на дальнем востоке на самом берегу Тихого океана. В общем, на самом краю света. Мне не раз снился этот каменистый безжизненный берег. Этот неумолкающий прибой, обдающий меня своими ледяными брызгами. Низкое мрачное небо, галдящие чайки и угрюмые рифы. А еще хижина, сколоченная из плавника и кое-как накрытая ржавыми железными листами, неизвестного происхождения.

И везде висела и болталась на ветру вяленая рыба. И большая и маленькая, но в огромных количествах. Она занимала большую часть всего моего жилища, будучи набита в разнообразные холщовые мешки и деревянные бочки расставленные и тут и там. Даже печурку свою я топил там исключительно сушеным палтусом, ибо с дровами было невыносимо туго, а высушенный палтус неплохо горел в той моей жизни.

И даже этот запах горелого палтуса еще долго будто бы преследовал меня после подобного сна. Я был абсолютно уверен, что в своей прошлой жизни я жил именно так.

А что по поводу того, кем бы я хотел стать, то тут фантазия меня неминуемо подводила. Из раза в раз я не находил

для себя абсолютно удовлетворительных вариантов, а менять шило на мыло было не интересно. Все мои мысли сводились все к тому же унылому побережью океана и к палтусу. Виделась мне в этом какая-то вселенская гармония. Я даже взялся написать об этом роман, полагая, что смогу освободиться от наваждения. Но продолжение для этой истории я придумать не мог, смутно подозревая, что никакого продолжения здесь нет и быть не может.

Чашка кофе стояла опустошенная, а ноутбук, включенный полчаса назад, уже давно заснул, будто убаюканный моими размышлениями, и смотрел теперь на меня своим скучным черным экраном.

Все это зрелище, весь этот натюрморт, наблюдаемый мною, на работу меня никак не вдохновлял. Я был беспомощен и жалок перед лицом постигшей меня в одночасье звенящей паузы, из которой я не знал, как и выбраться. Оставалось смириться с ней и отложить работу еще на какое-то время.

И только я надумал выйти на балкон покурить, как в дверь позвонили. Это было так неожиданно, что я непроизвольно вздрогнул. Я никого не ждал и вообще к нам настолько редко кто-нибудь заявлялся, что дверной звонок всегда звучал пугающе и тревожно.

За дверью обнаружился помятый участковый в сопровождении какого-то строго одетого мужчины в очках и двух людей в форме и при оружии.

– Здравствуйте, – сухо поздоровался участковый, – небольшая проверка. Вы один тут проживаете? Вы хозяин квартиры? Кроме вас еще кто-нибудь есть?

– Ничего себе небольшая проверка, – подумал я, разглядывая вооруженных автоматами людей на лестнице, – натуральная облава! Никак не меньше.

– Да, я здесь прописан и живу, но хозяина теперь дома нет. Хозяин мой дядя, – сразу потерявшись перед таким обществом, нескладно промямлил я.

Одновременно краем глаза я увидел метнувшегося между ног кота, который с лестницы влетел в квартиру за моей спиной и судя по звуку ринулся на спасительную кухню.

– А где же он теперь? – вкрадчиво спросил строго одетый и неприятно улыбнулся.

– Хороший вопрос, – подумал я.

– Скорее всего, на работе. Где же еще? – соврал я, мучительно стараясь не покраснеть.

Где-то внизу хлопнула дверь и двое в военной форме немедленно напряглись, один из них даже принялся глядеть в лестничный проем. Участковый тоже посмотрел в сторону лестницы, а потом на часы.

– А как они теперь спросят о месте его работы, – вяло подумалось мне, – и что я им скажу?

– А что собственно случилось? – наугад спросил я натянуто спокойным голосом.

– Пока еще ничего не случилось. В вашем районе про-

ходит специальная операция. Просьба никого посторонних к себе не впускать и до пяти часов из квартиры не выходить, – процедил строго одетый человек в очках, переставая улыбаться. – Еще вопросы есть?

Вопросов появилась масса.

– Нет. Больше вопросов нет, – облегченно выпалил я, и, как только это стало возможным, быстренько захлопнул перед ними дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.